

ТИНА ВАЛЬЕН

Распятый ангел

Тина Вальен

Распятый ангел

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190141
ISBN 9785447447199*

Аннотация

У Юли прекрасная семья, любимая работа. Жизнь удалась, самоуверенно считает она, весело подмигивая миру. В своей борьбе журналиста за справедливость она не замечает, как постепенно кладёт на алтарь успеха судьбы своих близких и родных людей. Только их потеря заставит её остановиться, достойно испить чашу страданий, посмотреть на мир иначе и понять своё истинное предназначение. Откроет ли покаяние дорогу к новому, хоть и позднему счастью?

Содержание

Предисловие	6
Распятый ангел	16
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Распятый ангел

Тина Вальен

Иллюстратор Константин Арчибасов

Редактор Андрей Красильников

Редактор Елена Филина

© Тина Вальен, 2019

© Константин Арчибасов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-4719-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...в каком бы мире мы не жили, в любом из них каждому человеку судьба преподносит чашу страданий, только одним вначале, как испытание, другим в конце, как наказание. И только испив её до дна, мы способны к состраданию и покаянию. Покаянию, потому что иногда мы сами распинаем своих ангелов на кресте своей судьбы.

Предисловие

На большой веранде деревянного дома, расположенного на окраине деревни, уютно устроились в креслах-качалках две женщины. Рядом с ними на низком столике стоял пузатый самовар и изящные вазочки с вареньем. Вдали виднелась полоска леса, слева – берёзовая роща, среди которой проглядывали кресты и памятники, а над нею возвышался купол колокольни. Женщины пили чай, любовались предзакатным небом и о чём-то говорили.

Лицо одной из них можно было назвать классически правильным: высокий лоб, прямой нос, выразительные тёмные глаза, черные волосы. Его не портила чуть саркастичная улыбка красивых губ и короткая стрижка, завершающая стильный образ. Женщина была, скорее всего, городской гостьей.

Вторая женщина, явно хозяйка, была прямой противоположностью первой и на её фоне выглядела милой пастушкой с русой косой, большими серыми глазами и по-детски припухшим губами. Обоим было лет за сорок, хотя при вечернем освещении они казались гораздо моложе.

Едва заметную нервную напряжённость первой уравновешивала почти смиренная безмятежность второй, которая с доверчивой нежностью смотрела на гостью и внимательно её слушала.

– Название твоего романа слишком претенциозно, и тема женских судеб уже надоела. Почему не мужских? Это сегодня намного актуальней. Вздвинченные девушки и печальные юноши, потом мужественные женщины и вялые мужчины. Как это изменить – вот главная тема современности! Мужество женщины – нонсенс, парадоксальная реальность. Вопрос в том, как восстановить статус-кво? Как остановить этот тотальный радикальный воинствующий феминизм, который так пугает мужчин? – Гостья на минуту задумалась, а потом рассмеялась и выпалила, – Так вот кто твой распятый ангел?! Побелевший от страха и с голубиной сущностью современный мужчина?

Собеседница хоть и улыбнулась, но сильно побледнела.

– Милая моя, только сознание не теряй, пожалуйста. Шу-чу я! Шу-чу, «чу-щу» с буквой «у». Я же не сказала – с голубой! С голубиной, как у Обломова. Бог мой, неужели с прошлого века всё это и началось?

Гостья вздохнула, налила себе и подруге горячего чая, накинула ей и себе на плечи пледы и снова заговорила.

– Душенька моя, ты написала роман о времени, которое распинает именно таких добрых ангелов. И в таком случае название романа оправдано. Только почему в твоём романе нет тех злобных и коварных злодеев, которые подстерегают жертв за каждым углом и приколачивают их к крестам? Если есть агнцы, то должны быть и палачи. Ты смотришь телевизор? Что не сюжет, то сплошной триллер. Это и есть наше

время, милостивое к палачам и жестокое к жертвам.

Хозяйка дома зябко поёжилась, потеплее укуталась в плед и нехотя пояснила гостье:

– От него мне и захотелось спрятаться в своём придуманном более милостивом мире, но у меня не совсем получилось. Я много думала и поняла, что в каком бы мире мы не жили, в любом из них каждому человеку судьба преподносит чашу страданий, только одним вначале, как испытание, другим в конце, как наказание. И только испив её до дна, мы способны к состраданию и покаянию. Покаянию, потому что иногда мы сами распинаем своих ангелов на кресте своей судьбы.

– Всё, меняем тему! Оставляй своё продуманное название! Хотя в романе больше оптимизма и радости. «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо!» Живи и радуйся. Только почему-то не радостно.

– Не потому ли, что ищем любовь с закрытым сердцем, не верим ни во что и ни в кого, даже в себя, и безнадёжно больны страхами?

– А как иначе, если весь народ распяли на кресте противоречий, поменяв строй, а вместе с ним потребовали изменить его сознание и веру?!

– Вот и ты о кресте, – улыбнулась хозяйка.

– Ну, сегодня без него и веры никуда! Вчера обожествляли Ленина, с его идеей бескорыстия, а сегодня, будьте добры, молитесь на Адама Смита с идеей личной выгоды и ко-

рысти. Ты хочешь, чтобы после такого изуверского насилия люди всё ещё во что-то верили и жили без страха?! Трудились ударно и оказались за чертой благополучия, верили искренне в светлое будущее, но кто только не погрел на этой вере свои грязные ручонки?! Горький опыт рождает цинизм. не раскрывай объятия – не дай себя распять. И межчеловеческое пространство всё увеличивается, становясь непреодолимым. Рвутся родственные связи. Самые близкие люди становятся далеки друг от друга, даже находясь рядом. Живём в такое время, когда даже свет в конце тоннеля может оказаться встречным поездом. Хотя оно для нас всегда было одинаково беспощадно. Раньше задыхались без информации, существовали, ничего не слыша, не видя, не говоря, как три пресловутые обезьянки. Сегодня душит её избыток. Глаза открылись и вылезли из орбит. Уши освободились от ваты и завяли. Из ртов вытащили кляпы, и все заголосили разом. Садом и Гоморра. «Мы ждём перемен!» И дождались! Но не просветлели, а почернели, и это чёрное в нас способно распять кого угодно. И не потому ли, что жертвой стали снова мы?

– Мы, то есть народ? А когда он не был ею? – спросила хозяйка. Потом тихо вздохнула и продолжила, – И при любых потрясениях он всё-таки верил, любил и надеялся. Мы с тобой разве не так живём? Сегодня я тебя не узнаю. Случилось что-то плохое? Ты никогда на свою жизнь жаловалась: более чем благополучная семья. У тебя – и проблемы?! Нонсенс.

Главная героиня наполовину списана с тебя.

– В романе многое не понятно. Почему ты не изменила имена подруг, но изменила их судьбы?

– Наши имена были для меня в тот момент спасательным кругом, я не могла от них отказаться. А потом... Трудно в это поверить, но потом каждая из нас стала сама выписывать свою судьбу... иную, и получилось то, что получилось.

– Я где-то читала про параллельные миры, в которых тоже живём мы, но иначе. Может быть ты заглянула туда? А знаешь, получилось даже символично. Как не крути, а судьба у женщин нашего поколения одна, не завидная.

– Не надо спешить с выводами и кодировать будущее. У тебя было и будет всё хорошо!

– Смотря с чем и с кем сравнивать...

– Когда живёшь рядом с кладбищем, сравнение более чем очевидно: радость жизни – в ней самой.

– А когда рядом с элитными дворцами воров, закрывающими солнце?

– Пусть радуются, пока на воле. Чёрт с ними, он обязательно подведёт...

– Хорошо бы не к монастырским стенам, а сразу к тюремным воротам. Только государство на их стороне. Оно первым напало на собственный народ, лишив накопленных рубликов. Вероломство беспрецедентное. Бандиты и те заранее кричат при этом: «Всем лечь на пол! Это ограбление!». После этого и они перестали стесняться. Воруют и пируют

на глазах у всех. Пусть не дразнятся!

– Будь умнее, отойди подальше. В тебе рождается обыкновенная классовая ненависть. Привыкай.

– Многие и отошли... в мир иной. У тебя здесь тишь и благодать, и ангелы летают, наверно. А я выеду завтра на кольцевую автодорогу, на которой сплошь черти на крутых танках, и горе мне в моей консервной банке. В такой момент очень хочется, чтобы впереди летел непобедимый ангел-хранитель в доспехах. Дома вечером включу на минутку телевизор, а там снова бесы, которые скупили каналы и куражатся над всей страной.

– Что не зависит от времени и примиряет с ним: жертва никогда не станет палачом, а палач – святым. Выбор за нами. Христос – жертва, но на него молятся до сих пор.

– У него не было детей! Нас, строителей коммунизма, с ненужными теперь глупыми светлыми идеалами выкинули на свалку. Понятно, своё отработали. А как дальше жить нашим детям? Свалку эту оставим им в наследство? И вместо морального кодекса библию в утешение. И с детского сада не знающие предела детки «крутых менов» начнут унижать их, знающих предел и заповеди. «И повторится всё, как встарь...»

– Продай со свалки что-нибудь и купи им учебники. Новое время не так уж плохо: научило даже нас считать деньги, правда, больше в чужих карманах. А дети узнают цену своим, заработанным! И свалку сделают прибыльным бизнесом.

Что ты уцепилась за крайности?

– А у тебя сплошной позитив. Конечно, можно просто нормально жить. Только не дают! Потому что связаны мы со временем, в котором живём, крепкими нитями.

– Не куклы. Оборви и освободись.

– Стать схимницей, как ты? Освободилась от грешного мира и наказала себя одиночеством. Крайность из крайностей. Такая цена за одну свободу?

– Не только за неё, – глаза хозяйки повлажнели, но она постаралась скрыть это, повернув голову в сторону леса, над которым багровел закат.

– Прости, пожалуйста! Последнее время нервишки пошаливают. Прости! Мне казалось, что ты уже забыла прошлое, потому что стала такой умиротворённой, нашла занятие по душе. Только поэтому я позволила себе немного критики, хотя книга мне понравилась. Давай, выпьем за тебя и за неё?

Гостья исчезла в доме и вернулась с двумя бокалами и коньяком в какой-то квадратной бутылке. Она наполнила бокалы коньяком, подала один из них хозяйке и, улыбнувшись ей, сказала:

– За тебя!

– И за тебя! – ответила та. – Я всегда жду твоего приезда. Ты единственная из подруг отозвалась... и критика меня не обидела, потому что я тебя люблю.

– И я тебя. Да, раньше нас было четверо. Разве можно

забыть самое счастливое время в нашей жизни? Поверь, сегодня я ехала к тебе с искренним желанием поздравить тебя с писательским успехом. Ты молодец, у тебя свой взгляд на мир, и это прекрасно. Ещё мне очень хотелось уговорить тебя переехать в город. Когда-то здесь был маленький рай, в котором мы все отдыхали душой, но сейчас ты осталась в нём одна. И в моей жизни не всё так розово... Я не смогу часто приезжать к тебе. Поэтому и переживаю. А сейчас смотрю на тебя и ловлю на мысли, что буду звать тебя в город, а самой сбежать из него хочется. Не улыбайся, и со мной случаются моменты слабодушия. Пойми, вашу деревеньку вот-вот снесут, могут отключить электричество, а впереди зима. Все уже давно переехали в выданное городом жильё. Если и ты переедешь, то я успокоюсь. Мы с мужем поможем. Будешь жить не за хилым забором в одиночестве, а в новой квартире. Соседи хотя бы будут рядом.

– Не стоит так переживать, у меня есть керосиновая лампа, печь можно топить дровами. В любом случае я не уеду из родительского дома. Отец строил его на века, почему я по чьему-то капризу должна его отдать под снос? Это мой мир, в котором мне уютно и комфортно жить. Он ясен и чист при любой погоде. И позволь мне, пожалуйста, остаться слабой! Я не буду воевать за свои права, просто останусь жить здесь, рядом с самыми близкими мне людьми. Погост, надеюсь, не снесут.

– Занесёт вас всех снегом, а дорогу к тебе одной чистить

не будут. До магазина будешь добираться четыре километра по сугробам! Хотя запасов еды для тебя, кур и козы хватит, но я всё равно не представляю, как ты будешь жить здесь одна.

– Успокойся! Не первый год живу во все времена года. У тебя просто плохое настроение. Впервые. Улыбнись судьбе...

– ... И она улыбнётся тебе в ответ, как Крошке Еноту улыбнулось собственное отражение? Свой мир, свой дом. Нарисовали – будем жить, как в сказке, со светлой верой? Кстати, так и назови свой первый роман, а второй – «Любовь».

– Я живу пока в первом и с другим названием.

– Видит бог, я сделала всё, что могла. И пусть тебе поможет твой небесный ангел. Интересно, есть ли и у меня такой защитник, пусть не воин, а хотя бы птаха с белыми крылами? Первый вопрос. Издадут ли твой роман – второй вопрос. А название пусть останется. Не издадут – и оно оправдает себя.

– Не важно. Издание – твоя идея.

– И ты не мечтаешь об известности и славе, как в молодости?

– «Стремление к величию так утомляет», когда-то сказал Камю. Представляешь, он впервые позавидовал женщинам, потому что они не обязаны к нему стремиться. Помнишь, мы на последнем курсе спорили по поводу его высказывания?

Сегодня я с ним согласна.

– А оно мне и сейчас не нравится. Скользкое оно какое-то.

– А кто только что ратовал за возвращение мужества мужей и нежности дев?

– Это не исключает величия нежных дев! История тому примером. И ты, одна из них, продолжай придумывать свои миры, в которых всё хорошо кончается.

– Мне это помогает.

– Воистину: блажен, кто верует.

– И врач в меня поверил, когда я стала писать.

– Когда это было? И книга уже написана, и ты в полном порядке, потому что своему врачу уже не интересна. А вот мне пора его навестить, – гостья грустно улыбнулась.

– Опять шутишь?

– Не шучу, издам твою книгу и отвезу ему в подарок!

– Если ты не шутишь, тогда ты явно сумасшедшая! – сказала хозяйка и весело рассмеялась.

Гостья что-то ей ответила, после чего с веранды ещё некоторое время доносился звон бокалов и тихий смех. Потом окна в доме погасли, над ним остался сиять звёздный купол, по которому медленно плыл одинокий лунный диск.

Неисповедимы пути Господни

Распятый ангел

– Всё! Дело сделано, можно расслабиться. На этот раз без особых накладок и приключений, если никто не расколется. Переодеваюсь и в душ. Ты тоже иди в свой номер и поспи.

– Юля, кому колоться? Третью в этой игре не наблюдайся.

Никогда не унывающий телеоператор Борька развалился в кресле с бутылкой пива.

– Конец декабря, все расслаблены в ожидании Нового года. Ну, приехали корреспонденты из Москвы, задали простенькие вопросы кандидатам, глубоко не рыли... Можно успокоиться, – лениво продолжил он.

Юлия Львовна, дама лет сорока, специальный корреспондент скандально известной газеты, способная взять интервью у самого Всевышнего, с телеоператором Борисом находились в номере лучшей гостиницы огромного сибирского края.

Обычно Юлия ездила одна, но с некоторых пор её материал заинтересовал и телевидение. Звезда телеэфира, давний друг, давно переманивал в свой новый проект. Два её материала уже сослужили ему прекрасную службу, и на этот раз он послал с ней своего лучшего оператора. Интересы газеты не страдали, тем более агентура у друга была обширная и профессиональная, её газете это было на руку. Меньше за-

трат.

Драка шла за влияние и власть. Новый виток передела лакомых кусков. А внешне – обыденное и надоевшее народу действо: перевыборы губернатора края.

Оппозиция не дремала. Именно она и забила тревогу, задействовав московские связи. Использование административного ресурса в предвыборной гонке никого бы не удивило. Попутал мелкий бес. А кого не путал? «Короче, всё, как всегда, но будут нюансы», – думала Юлия. Она ошиблась: здесь пахло кровью. Материал оказался настолько скандальным, что она не на шутку испугалась.

Юлия тщательно готовилась к каждому интервью. Владея полной информацией, она научилась влезать в шкуру дающего интервью господина.

Она научилась, а может быть, владела этим изначально: задавать самые каверзные вопросы, искренне сочувствуя даже самым неприятным личностям. Следующий вопрос подсказывал разумный логический ответ, позволяющий с достоинством выйти из неловкого положения. Опыт, чутьё, талант помогали избегать конфликтных ситуаций, а суть проблемы всегда освещалась остро и получалась логически завершённой.

Она никогда не понимала тех, кто во время интервью просто вгрызался, вырывал куски, тыкал шилом, истязал согласившуюся ответить «на пару безобидных вопросов» наивную жертву. Они гордились тем, как виртуозно сумели рас-

пять этого жирного ворюгу, хитрую бестию, денежный мешок, «зазвездившегося» зазнайку. Азартный энтузиазм молодых, искушение матёрых профи блеснуть? От злобы и зависти? У него есть, у тебя нет. Юлию Львовну вело по жизни только здоровое профессиональное честолюбие.

Мир раскололся на богатых и бедных без предупреждения. Замутил воды, казавшиеся чистыми, застоявшегося озера социализма. В нём утонула мораль, итак державшаяся еле-еле на плаву. В нём беспомощно барахтался народ с перевёрнутым насильно сознанием – учился плавать в штормовых условиях капитализма. Оказалось, многие давно умеют не только держаться на плаву, но и ловить рыбку, большую и малую, в замутнённых водах и при всех штормах. Подпольная экономика «цеховиков» вырвалась на свободу и пирила, пожирая всё без разбора. Впервые предложен «шведский стол»! И началось соревнование их appetitов с аппетитами номенклатуры всех мастей и рангов.

«Диета всегда полезнее обжорства, – прокомментировал этот факт её умница муж. – Во-первых, завидовать и злиться нерентабельно. Во-вторых, накапливая материальные блага, мы строим свою тюрьму».

Её семья не бедствовала, но иметь больше, чем нужно для нормальной жизни, было по их понятиям безнравственно. Пусть этот грех берут на себя другие, не доросшие в своих принципах до такого уровня. Эта мысль грела и успокаивала,

поднимала на ту высоту, где сохранилась мораль.

Муж иногда с ехидцей спрашивал её:

– И как ты теперь можешь осуждать свалившийся на голову естественный отбор в стане зверей? Закон природы – выживает сильнейший.

Потом он пытался объяснить ей, что сейчас в стране идёт схватка сильнейших монстров за власть и капитал, и журналистам бессмысленно бегать вокруг них и требовать социальной справедливости для народа. Юля понимала, что такими разговорами муж пытается убедить её сменить профессию.

– Получается, что «Собака лает, а караван идёт»? – возмущалась она.

– Заметь, не я это сказал, – отшучивался муж.

Юля категорически не соглашалась с ним, защищая свою профессию и её значимость.

Запищал мобильный телефон. Юлия вздрогнула. Она так и не дошла до ванной, задремала в кресле напротив Бори. Тот тоже заснул, даже похрапывал. Две бессонных ночи...

Звонил свой человек из администрации. Надо уносить ноги.

– Боря, быстро сматываемся. Хозяин собрал бойцов, возможно, по нашу душу.

– Запасного выхода нет, проверено, – Борис уже засовывал свою драгоценную видеокамеру в чехол, потом в огром-

ный рюкзак. – Вариант отхода номер один: я спускаюсь вниз, заказываю билеты на утренний рейс. Выхожу, ловлю такси и оставляю его за углом. Потом в холле отвлеку администратора...

– Сто раз не повторяй. Я в душ, мигом.

– Утром не отмылась? Или перед смертью? – съязвил Боря.

Пикироваться с ним уж точно времени не было. «Омовение» перед отъездом давно стало ритуалом: смывался негатив, светлела душа.

Дверь за Борисом захлопнулась.

Юлия только натянула джинсы и свитер, когда зазвонил телефон. Схватив рюкзак, на ходу надевая куртку и напяливая капюшон на голову, она ринулась вниз.

Никто бы сейчас не узнал в ней той дамы в кашемировом пальто и шикарных сапожках, продефилировавшей час назад мимо дежурного администратора в свой номер.

Минута-другая, и чучело рухнуло на заднее сидение такси. Шофёр подозрительно покосил глазом. Сейчас Боря, должно быть, звонит на глазах появившегося администратора якобы другу, обещая приехать в гости без подруги, которая легла спать.

– Гони в аэропорт, шеф, – товарищ по несчастью уселся спереди, обнимая свою драгоценную ношу. – Твой поезд через час, – обратился он к Юлии. – Может, со мной на самолёте, старушка?

Он прекрасно знал, что она больше никогда не сподобится на этот подвиг. В прошлом году, как в анекдоте, в пятницу тринадцатого рейс номер тринадцать пытался сесть. Юля даже успела по мобильной связи попрощаться с мужем. Они остались живы по чистой случайности. Лёша встретил её с седыми висками. Теперь только поезда.

Боря успел на свой рейс, а их машина сломалась почти рядом с вокзалом. Пришлось на ходу запрыгивать в медленно отходивший поезд. Юля с трудом уговорила проводницу продать ей двухместное купе, благо оно было свободно. Она всегда так делала: это позволяло отдохнуть и поработать.

Первым делом она сняла капюшон, потом мокрое полотенце... Господи, она забыла на вешалке в ванной свой любимый итальянский костюм! Правильно заметил Борис: старушка. Неплохой обмен: полотенце на эксклюзив!

Пора нянчить внуков, а она прыгает козой, срослась с джинсами и кроссовками. Как до сих пор её терпит муж?!

Юлия посмотрела на себя в зеркало: причёсана, умыта, на этот раз без синяка под глазом. Вполне достаточно, чтобы считать себя красавицей. Она никогда не позволяла себе усомниться в этом ложном утверждении. Чистой правдой были красивые ноги. Их заметил даже хозяин края.

– Одна красивее другой, – согласилась, засмеявшись, она. Это помогло снять напряжение перед интервью.

Что, теперь адреналин иссяк? А она ещё рвётся на телевидение. Там придётся доказывать снова, что ты не лыком

шита. Там грызня и интриги такого градуса – молодые не выдерживают.

Юлия улеглась и закрыла глаза. Она снова оказалась в огромном кабинете хозяина. Кадры репортажа монтировались сами собой. Слова заботы о простых людях звучали на фоне семейных особняков и идеальных дорог к ним. Потом картинка менялась видом усеянных рытвинами городских улиц, обшарпанных пятиэтажек и бараков-развалюх, завершаясь шикарным зданием администрации. Всё как везде. Только несколько документов о тесной связи главного чиновника с главарём местной банды, залившей кровью весь регион, превратятся в бомбу. Десяток свежих могил, закадровый рассказ убитых горем родственников, в котором слышался страх. В Крае шла беспощадная закулисная война двух вооружённых группировок за собственность и власть. В полной тишине камера показывала кресты на свежих могилах, фотографии молодых ребят, перемолотых мясорубкой беспредела.

Добытый материал – мегатонная бомба. Как часто мощные заряды, с таким трудом добытые ею с риском для жизни, вместо взрыва возмущения, прокурорского вмешательства, суда заканчивались долгим вялым шипением или просто коротким пшиком. Иногда уже готовый материал главный редактор неожиданно снимал, объясняя сие трусливое действие изменением политической или ещё какой-либо обстановки. Просто менялись хозяева, с ними менялся и справедливый

глас газеты. Правда одного становилась ложью другого.

Юлия вспомнила материал по ОПСу, общественно-политическому союзу, руководитель которого стал депутатом Вердловской городской Думы. За его спиной стояла банда, в начале девяностых захватившая завод-гигант, уничтожившая десятки людей, вставших на её пути. Беспомощность милиции, органов надзора и правосудия не удивляли. Всё тот же всеобщий страх.

Тогда её вовремя вырвали из журналистского расследования, игнорируя возмущение и протесты. Потом Юля узнала, что мужу позвонил хорошо осведомлённый друг, а муж – главному редактору. Материалы, документы когда-нибудь пригодятся, только это будет не скоро.

С ужасом она уже со стороны наблюдала кровавую бойню на Урале. Она ещё не закончена: нет в живых главного «героя» Абарова (повесили в камере предварительного заключения), судья избит, свидетели исчезли. Пришёл более сильный и ещё более циничный хозяин жизни.

Что делать? Сам центр подаёт пример беззакония, окраины усиливают его стократ.

Муж давно пытался объяснить ей ещё на заре перестройки, что все возмущённые голоса протеста о разгуле беззакония, обращённые к власти, инспирированы ею же. Именно так всё и задумывалось. Контрольный пакет акций самого лакомого куса от общего пирога у них в кармане. А за остальные пусть дерутся – победит сильнейший, и этот сильней-

ший станет достойным партнёром. Народ? Он всегда выживал сам. Выживет и теперь. И крысы в бочке разберутся сами. Пока не до народа...

Он оказался прав, она, хоть и поздно, но поняла это. В начале перестройки в её душе горел огонь, который гнал на баррикады, священный огонь очищения от скверны коммунизма. Сколько революций свершено под знаменем Свободы и Справедливости?! Знаменосцы расстреляны – крысы у власти. Уроки истории забыты, новые поколения снова готовы поднять вечный стяг. Магический круг.

Не сбылись мечты о свободе слова без границ, свободе слова, за которую не убивают. От этой мечты осталась лишь горечь разочарований. Сегодня она поняла: как и тысячи веков назад, слово остаётся рабом. Раньше – религии, царей, идей, сегодня – силы, власти и денег.

Почти семь десятков лет всем твердили о справедливости, главной составляющей почти победившего коммунизма, но глупый народ почему-то этим не проникся. Пришлось промыть ему мозги, внушить: если рабство добровольно, оно и есть свобода. Кто против идеологической кувалды? Кто «за»? Воздержавшихся нет. Принято единогласно.

Теперь, как в омут, нырнули в капитализм, в то время как Запад наоборот начал выкручивать к социальной защите населения от этого монстра. Подумать не успели, или думать было уже некому и нечем, но дали полную свободу бывшим рабам светлой идеи – получили Армагеддон. «Может быть,

надо что-то изменить в консерватории», – как сказал провидец-сатирик? Пока будет меняться учительский состав, проходить этапы переподготовки, ученики станут взрослыми. Может быть, надо начать с семьи, укутать её в священный кокон, холить и лелеять, питать вечной моралью и для семян её готовить плодородную почву?

Она поздно, но опомнилась. Она возвращается к семье...

«А помнишь, как всё начиналось...» – шептало радио в купе.

Уже с восьмого класса Юлия точно знала, что станет журналисткой, чего бы ей это ни стоило. Невероятными усилиями со второй попытки она поступила на заветный факультет. Её два рассказа и стихи напечатали в журнале «Юность». Она помнит себя счастливой первокурсницей, стоявшей перед зеркалом в ванной и критически рассматривающей себя. Ей нравились собственные иссиня-чёрные локоны, предмет зависти одноклассниц, как исключение, потому что планета блондинилась. Её не успокаивали светлая кожа, прямой изящный носик и даже огромные на пол-лица серые глаза, потому что внутренне она ощущала себя неуверенной и закомплексованной жалкой худышкой, проходившей по классу среднестатистической женской особи. Уверенность в себе, своей привлекательности обрели в её душе постоянную прописку только после замужества, а потом стали привычно органичными, естественными настолько, что были лишены

особого статуса окончательно.

Тогда главным считался внутренний мир, твоя позиция, кредо. И сейчас для неё в этом вопросе почти ничего не изменилось, хотя изменился мир вокруг. Глянцевые журналы, конкурсы красоты, призывы любить себя и тратить, тратить всё на рекламные штучки, чтобы стать неотразимой во всех ипостасях. Внешний блеск да прикроет внутреннюю убогость? Шквал идей массовой субкультуры захлестнул, обратил в свою веру даже скептический разум оригиналов.

Тогда в ней полыхал другой огонь. Она лелеяла свой маленький дар, мечтая взрастить талант, который, чего греха таить, приведёт её к славе. Юношеский максимализм, здоровые амбиции. Равенство и братство во всём, даже между полами.

Плохо это или хорошо – до сих пор не понятно.

С первого курса Юля развернула бурную деятельность, стала членом редколлегии газеты факультета. Статьи обрели остроту и завершённость, скетчи и частушки отрывали с руками для капустников.

Появились подружки. С ними она и прославилась в роли мушкетёров на новогоднем концерте. Зал сначала восхитился костюмами, а потом покатылся со смеху, когда мушкетёры запели частушки на злобу дня.

Их квартет уже хорошо знали. Дина, ум, честь и совесть факультета, высокая, с гордо поднятой головой, должна была бы играть королев. Таня – прехорошенькая, немного пол-

новатая скромница из Подмосковья. Мила – куколка Барби, до совершенства которой не дотягивали только ноги, взбалмошное дитя состоятельных родителей.

Подружки почти подрались за роли. В результате главная досталась серьёзной Дине, Атоса – Тане, Арамиса – Миле, а Юльке, в наказание за наглую самоуверенность, роль толстяка Портоса. Это добавило комизма.

На этом вечере она и встретила свою судьбу.

– Девочки, вы молодцы. Все от вас без ума!

Анюта с другого факультета давно примазывалась к их компании.

– Что-то не заметно: стоим пока в одиночестве.

Дина обвела глазами танцевальный зал:

– Кто это там подпирает колонну? Мрачный оригинальный тип, – спросила она всезнающую Анюту.

– Ты тоже заметила? – встрепенулась Анюта. – Ой, девочки, я так в него влюблена! Это Петрович с нашего экономического факультета. Голова. На танцы почти не ходит: учёба, спорт, библиотека. Далеко пойдёт. Дин, пригласи его на танец после перерыва. Потом познакомишь.

– Я не осмелюсь, – изобразила скромность Дина. – Я только въехала в Париж из провинции. Юлька у нас смелая. Может, она?

– Юлия, слабо? – чирикнула Мила.

– Откуда столько агрессии, Дина? – «Слабо» Милы не удостоилось внимания.

– От д’Артаньяна, естественно, после дуэли... – Дина вы-
зверила лицо, вогнала воображаемую окровавленную шпагу
в ножны и продемонстрировала всем лик победителя.

– Ты неправильно поняла сущность своего героя! «Без
друзей его чуть-чуть...»

Юлия тоже мельком посмотрела на парня. Волевое лицо
и нескрываемая скука на нём. Она неожиданно для самой
себя оторвалась от подруг и пошла через весь зал к нему,
их глаза встретились. Заиграла музыка, и Юлю отделили
от парня танцующие пары. Она остановилась: через толпу
она не пойдёт. Бесславная атака захлебнулась.

– Вы явно спешили ко мне, леди Портос!

Парень стоял прямо перед Юлией.

Она положила руку на его плечо и подняла глаза.

– Позвольте представиться: Алексей.

– Юлия.

– Наслышан. «Идея и слова Юлии Воробьёвой»! – улыб-
нулся он. – Было очень потешно.

– Архаика. Можно сказать просто: «Клёво».

– Могучий и великий?

Юлия покраснела. И его лицо изменилось. Улыбка его
здорово украсила.

Они стали встречаться.

– Ну что он в тебе нашёл? Смелый серый воробей, – сто-
нала Анята. – Почему я не решилась?! Упустила такого пар-
ня!

— Аня, я сама удивлена. Он просто очаровался ролью Порто-
тоса, потому что тот толстый. А сейчас разберётся с моим
скелетом и бросит.

Лёша не бросил её. Летом решили поехать к его родне,
а потом сыграть свадьбу. Подружки были в шоке.

Ранней весной Юлин отец попал в аварию по дороге на да-
чу. Спасти его не смогли. Ни о какой свадьбе не могло быть
и речи, а осенью Лёша уезжал в Англию, в Кембридж по про-
грамме обмена студентами. Он был лучшим.

Похороны полностью легли на его плечи. Юля с мамой
ещё долго оставались в шоке от внезапного удара судьбы.
После сорока дней Алексей настоял, чтобы они тихо распи-
сались.

— Я умру без бумажки, в которой прописано, что ты моя
жена, — признался он.

Её мама Нина Ивановна сразу и безоговорочно приня-
ла Алексея и дала согласие на брак. Муж приехал только
на Рождество, уже зная, что Юлия беременна. В марте отме-
тили годовщину смерти отца, а в мае родилась Света. Ника-
кого академического отпуска Юля не брала, к началу учеб-
ного года дочку перевели на смеси и передали на руки ба-
бушке.

Юля помнила, как переживал муж, что не смог присут-
ствовать при родах, зато по возвращении закатил шикарную
свадьбу и крестины сразу. Навёз кучу подарков, хвалился,

что успевал подрабатывать.

Дача сияла огнями. Приехали родители Лёши, смотрели на него восхищёнными глазами, явно гордились им.

Мать — миловидная улыбчивая хохлушка, отец — высокий и спокойный мужчина скандинавских кровей. Вот откуда у мужа эта основательность, а от матери тяга к лёгкости и открытости.

Светик тоже симбиоз противоположностей. Светленькая, с голубыми глазами в деда, зато характер не приведи господи: упорство, самостоятельность и бесшабашная смелость в свою мамочку. Только отец имел власть над ней.

Подружки были просто ошарашены скоростью изменения судьбы Юленьки. Она изменилась и внешне: обрела чудесные формы, стала ещё увереннее в себе. Просто до безобразия, как заметила Мила.

А Юля знала — это всё подарил ей Петрович, сама она ещё до конца не сбросила серенькое оперение. Каждый раз, ловя его влюблённый взгляд, она сбрасывала с себя ещё одно пёрышко. Что может быть слаще, чем возрастающее внутри тебя чувство собственного достоинства и уверенности? Может быть, благодаря этому сладкому чувству теперь уже очаровательная внешность так и не стала доминантой её жизни, её фишкой.

Личная жизнь подружек пока не складывалась. На тор-

жество Дина, наконец, привезла своего умопомрачительно-го красавца. Все сподобились счастья лицезреть объект её сумасшедшей любви. Уже больше года она горела в её пламени. Такие отношения называют векторными: влюблённые не могут жить друг без друга и вместе тоже. Страсть, ревность, ссоры, примирения, и опять всё сначала. Оба забросили учёбу, превратились в бледные тени самих себя, стали похожими на зомби. Дина умоляла спасти её, избавить от этого ада. Она смотрела на друзей как на спасителей. Таня уже прятала её у себя в Подмоскowie, Мила таскала по значным местам, дабы отвлечь от мыслей о нём. Но всё рушилось: Дина через пару дней снова мчалась навстречу гибели. Юля с мужем пока были исключены из спасательных операций, на третьем курсе они сами походили на мумий, но зато Светик сияла здоровьем. По окончании курса пришёл и их черёд: подружки потребовали участия в совместном отдыхе.

Бабушка повздыхала, но отпустила их на месяц на все четыре стороны. Все единодушно, за исключением Петровича, выбрали только одну из этих сторон – экстрим: спуск на байдарках по опасной речушке. Только ради Дины. Все считали, что эта встряска должна закончиться гибелью или победой. Гибель воспринималась как-то виртуально, только Петрович принимал её всерьёз и жутко роптал:

– Юленька, у нас ребёнок, мы не можем рисковать!

Юлю было не сломить.

Организация предприятия легла на плечи мужа. В далё-

кий спортивный лагерь они явились подготовленными на все сто. Но страху натерпелись и всю дурь потеряли на первых порогах, зато для Дины жизнь обрела должную ценность и почти вытеснила с пьедестала роковую страсть.

Мила сразу закрутила очередной роман со спортсменом, Таня села на диету и бегала по пять километров, Юля с мужем обрели человеческие очертания, а не до конца освобождённая от проклятой зависимости бедная подружка последнюю неделю провела в сторожке молодого лесника, чтобы закрепить свою победу.

Они предстали на даче перед бабушкой в синяках, ушибах и вывихах, но довольные и счастливые, а бабушка от переживаний сразу слегла в больницу. И снова Петрович не подвёл: успевал ездить в больницу, за продуктами, готовил еду, лишь бы Юленьке с дочкой было хорошо.

А Дина пошла дальше. Почти сразу, не глядя, вышла замуж за тихого и спокойного инженера. «Кота в мешке» – переживала Мила. Через год родила сына, а после распределения всю свою энергию направила на него и карьеру.

Последней вышла замуж Таня. «Тиха, печальна...» «Наша Ларина» – звали её подружки. Они часто приезжали студенческой компанией в их гостеприимный собственный домик в ближнем Подмоскowie. Теперь это престижное стародачное место. Там её и приглядел Владимир, высокопоставленный функционер. Он точно знал, какая жена ему нужна.

Только подруги были в курсе, что скрывается за блестя-

щим и благополучным фасадом их семьи. Вован, как сразу окрестила его Дина, ни дня не дал поработать своей жёнушке. Домохозяйка с двумя детьми-погодками Сашей и Машей безропотно несла свой крест.

Милочка – самый яркий цветок представленной коллекции. Бабочка, порхающая с цветка на цветок, до сих пор собирающая самый сладкий нектар с сыпавшихся на её голову со всех сторон поклонников. Беда в том, что она никак не могла выбрать подходящего по всем статьям претендента. Один из двух всегда был лучше, а третий и вовсе неотразим.

– Если у кого-то из девушек нет мужчины, то только по той причине, что у тебя всегда три. Сократи свои аппетиты, скромность украшает, – увещевала Дина этот нарциссик женского пола.

– «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» – сожалела Мила по этому поводу и обещала стать ещё скромнее. – Скромность – моя тайная фишка.

– Если считать скромность колибри эталоном, – не сдавалась Дина.

Юлия Львовна считала себя самой счастливой из них всех. Можно сказать, жизнь удалась. Распределение получила в молодёжную газету, о чём и мечтать не смела. Сначала была на подхвате, но её неуёмная энергия и коммуникабельность вскоре принесли плоды. Её перевели в отдел пи-

сем, и завертелось веретено. Каждую жалобу на несправедливость она готова была проверить и наказать виновных. Письма гнали в командировки. Юля научилась проникать, просачиваться в кабинеты чиновников любого ранга, заставляла вникать и сопереживать, как ей казалось. Скорее, удивляла! «Воробьиные наскоки», шутили в редакции. Вопреки обстоятельствам, или благодаря им, но чаще всего проблема решалась положительно. Редкие счастливые судьбы, описанные в письмах, раскрашивались патетикой. Главный редактор сокращал её шедевры наполовину. Это бурно переживалось и выливалось на голову родных, которым приходилось стонать или радоваться вместе с ней.

Петровича взяли на работу в МИД. Он заканчивал кандидатскую диссертацию, которую начал писать уже на четвёртом курсе. После защиты сразу пошёл в гору.

Дина попала в солидный экономический журнал и часто доставала Петровича консультациями.

– Юлька, береги его, нашу ходячую энциклопедию! – заканчивала она телефонные разговоры.

– Лёша, послушай, что творится, – отрывала его Юля от очередной экономической новинки или переводимой статьи, чтобы он, как всегда внимательно, вник в проблему далёкой рыболовецкой артели. – И зачем тебе столько знать?! Поговорить некогда...

– Кто владеет информацией, тот владеет миром, любовь моя. Грядут перемены. Горбачёв собирается выдвинуть

на предстоящем Пленуме концепцию перестройки. Надо готовиться к неизвестному.

Шёл 1986 год. А уже в следующем году Лёша с сияющим лицом преподнёс сюрприз:

– Куда бы ты хотела прокатиться за государственный счёт, дорогая? В Европу или Индию, подальше от Чернобыля?

– Конечно, подальше, в Индию! Лёша, неужели это возможно? У вас, я слышала, такая грызня за длительные командировки.

– Моя докторская на очень актуальную тему, я показал некоторые выкладки кое-кому. Помогли работы одного академика, не зря я бегал на его авангардные лекции. Можно будет поработать на реальном материале. При посольстве есть начальная школа.

Юлия была на седьмом небе от счастья, хотя очень сожалела о прерывании своей карьеры. Через год ей уже обещали рубрику. И как она без своего шептунского и весёлого коллектива? Но всё уходило на задний план – Индия! Загадка!

Жутко огорчилась только мама-бабушка в одном лице. Просто разрыдалась. Всё хозяйство и внука держались на ней. Было очень тяжело, но как она будет жить без своей Светочки?

– Отдохнёте, наконец, мама. Поправите здоровье. Я и путёвку в санаторий вам заказал, – утешал как мог Алексей.

Ему больше всех было жалко Нину Ивановну. Тёща переехала к ним, водила Свету во всевозможные кружки и сек-

ции, дочка практически росла на её руках. Было бесполезно просить Юлю переключить свой энтузиазм с работы на собственное дитя. Сам он пропадал с утра до позднего вечера: работа, кафедра, библиотека. Приходилось мириться со сложившимися обстоятельствами. Только поэтому он искал и нашёл выход – командировка. Наконец семья станет семьёй. И никакого отношения командировка не имела к теме его диссертации. Он сознательно жертвовал своей карьерой ради семьи.

– Когда уезжаете? Планировали отремонтировать дачу... Мы бы жили там на свежем воздухе: старушкам и детям полезно, – Нина Ивановна продолжала переживать по поводу разлуки.

– Какая она старушка? – подумал тогда Алексей. – Вышла на пенсию. Другие только начинают жить. – Он вспомнил о своих родителях: бодры и веселы, потому что вдвоём.

Решение было принято. В выходные все поехали на дачу. Она явно постарела и выглядела жалко. У Нины Ивановны сжалось сердце. Счастливое и беззаботное прошлое заросло бурьяном. Предстояло очень потрудиться, чтобы всё привести в божеский вид.

Петрович исчез и вскоре появился с суровым и молчаливым пожилым дачником.

– Знакомьтесь, Тихон Ильич. Мастер на все руки. Я давно любовался его дачей, она почти рядом.

Было организовано застолье. Юля с мамой почти закон-

чили уборку, а мужчины всё не расходились.

О чём можно так долго говорить, негодовала уставшая Юля. Светка с бабушкой уже готовились ко сну. Наконец, Алексей изволил призвать их для некоего сообщения. Всё прояснилось. Оказывается, он долго копил деньги на машину, но в сложившейся ситуации отдаёт их на ремонт фамильного гнезда Воробьёвых.

– К весне дачу не узнаете, мама. Будете жить здесь. Несите самовар, попьем чайку и помечтаем.

Лёша решил последнюю проблему перед отъездом, и Нина Ивановна просто на глазах расцвела.

– Сынок, а зимней её можно будет сделать?

– Чем и займётся Тихон Ильич. В своём доме он живёт круглый год.

– Семья не будет против его работы? – засомневалась Нина Ивановна.

– Вдовец я.

Нина Ивановна с сожалением покачала головой:

– Деревенька наша почти вымерла, многие нашли более престижные места. Раньше я всех знала... Вы чей домик купили? Мы последнее время здесь нечастые гости.

Тихон Ильич что-то объяснял ей, а Лёша вдруг сказал:

– Скоро наступят трудные времена, надо объединяться, – и обнял их за плечи.

Нина Ивановна покраснела, и сразу стало заметно, насколько она ещё хороша собой.

– Куда уж труднее, вы хоть там поживёте как белые люди. Да, они в Индии жили именно так. Но через три года тоска по дому заела.

– Юля, перестань хандрить! Так на тебя не похоже. Приёмы, экскурсии, море, наконец! Чего тебе не хватает?

Юле не хватало свободы. Она ощущала себя птицей в золотой клетке. Её бесил этикет, субординация, туда «низзя», сюда «низзя» ... Юля хоть и писала очерки о жизни и традициях древней страны, но всё больше и больше скучала о коллективе любимой газеты, о бурной его жизни. На родине такие перемены, а её там нет.

– Нет, сладкая жизнь не для советской женщины, – ответила она мужу.

– В этом и беда. Зато мы познакомились с культурой великой страны, Света научилась плавать, в классе не тридцать, а десять учеников. В конце концов, ты стала настоящей женой и матерью. Без суеты и спешки пишешь очерки. Я закончил работу над диссертацией. А дома хаос и голод!

– Там – свобода!

Петрович только вздохнул.

– Давай спросим Свету: хочет она домой?

– Хочу! По Родине скучаю... – они так и покатались со смеху. Что она может помнить о ней? Неужели ностальгия родовая болезнь россиян?

В посольском городке для детей был рай. Петровича уговаривали остаться ещё на год, но он не согласился.

– В Москву, в Москву! Там и защитишь свою докторскую диссертацию, – Юлия радостно кружилась по комнате.

– Не трогай Чехова, – Петрович смотрел на ожившую жену и печально улыбался.

По возвращении купили квартиру, машину. Алексей успешно защитился, и ему предложили должность в правительстве. Он, разобравшись в ситуации, отказался от заманчивого предложения и ушёл на скромное место в свой МИД.

Юлия не понимала его решения, возмущалась: предложение сулило такие перспективы! Петрович снова наступил на горло своим амбициям и только ради неё, любимой, о чём она даже не подозревала. Объяснение, что эти перспективы дурно пахнут, её вполне устроило.

Сама она сразу окунулась в редакционную кипучесть и обрела душевное равновесие. Её фанатизм снова покори́л всех. Свободных вакансий не было, но её взяли в штат. Пока на подмену отпусков.

По случаю возвращения организовали пикник. Собрались все знакомые и друзья. Юлия светилась от счастья, впитывала как губка последние новости, донимала всех расспросами, готовилась свернуть горы. Недолго музыка играла, потому что Алексей увёз семью в Англию, и очень вовремя. Страну ожидали новые потрясения: ГКЧП, распад Союза, Ельцин... И вернулись они уже в другую страну, теперь уж точно попав из рая в ад – милость, которой упорно домогались в «союзе нерушимом».

– Хотели, как лучше, а получилось, как всегда, – сказал Черномырдин и вошёл в историю.

Петровичу предложили стать членом экономического совета при президенте. На этот раз он не отказался. А Юля именно тогда и нарвалась на своё нынешнее место. Алексей протестовал, как мог. Он объяснял, что ему именно сейчас нужен спокойный тыл.

– Неужели тебе дороже эта жёлтая газетёнка?! Шла бы к Дине в солидное издательство. Нина Ивановна не справляется с дачей и домом, подумай о ней.

Юля тогда подумала и предложила купить вторую машину: она будет привозить маму два раза в неделю домой для уборки и готовки, заодно на обратном пути закупать продукты для дачи. Петрович снова сдался. Благо, Светка не приносила никаких хлопот, восхищалась мамой и отцом, хорошо училась. Юля была довольна её самостоятельностью.

Начались командировки. Муж называл их не иначе как задания и всегда жутко волновался. Он требовал только подробного объяснения, куда и за каким чёртом она направляется. Долго и нудно объяснял, какое из её заданий абсолютно провальное, на чьи интересы они покушаются, откуда растут ноги и куда тянутся руки. Она стала ценным информатором для главного редактора. Он всё чаще и чаще прислушивался к её аргументам, иногда отменял расследование, иногда поручал его главному редакционному асу. Был такой, светлая ему память. Юля иногда сдавалась, потому что понимала –

именно ему под силу собрать опасную информацию.

Петрович оказался прав: куда им всем против этой дикой, нахрапистой и неуправляемой силы, вырвавшейся из-под запрета на частную собственность в мутную воду свободного рынка.

Борьба за правое дело?! Сейчас ей уже смешно, она в материале. Свобода слова? Была. Но как только у газеты появился хозяин, началась свобода его слова, от которой уже тогда стало подташнивать и опустили руки. Вначале, чтобы удержаться на плаву, газета «пожелтела», но выжила. Теперь она несла массам «правду» владельца. У каждого хозяина она своя.

Именно в эту ночь Юля решила оставить своё ремесло. Именно в этот момент она невыносимо скучала по семье. Хотелось увидеть мужа, бесценное сокровище, доставшееся ей по ошибке. Они уже срослись, как сиамские близнецы, она не боится его потерять, но больше не станет испытывать его терпение. Новый год, новый век, новая жизнь.

Дочь уже на четвёртом курсе психологического факультета МГУ. Когда она успела? Пора успокоиться. Пора. Укатали Сивку бессмысленные гонки.

Поезд резко затормозил. Юлия Львовна открыла глаза. Купе освещалось мертвенно-бледным светом станционного фонаря. Она повернулась на бок и снова провалилась в сон. Какой-то шорох разбудил её. Поезд ещё стоял. Напротив,

спиной к ней, стояла раздетая девушка. Тело её показалось мраморной статуэткой, настолько совершенны были формы. Приснится же такое...

– Чай, кофе? – раздался утром громогласный голос проводницы.

Юлия решила встать, выпить кофе, пока предлагают, и заняться работой.

Она уже разложила блокноты на столе, когда дверь купе открылась, и приятный голос произнёс:

– Доброе утро. Полина, ваша попутчица, не возражаете? – спросила миловидная женщина лет тридцати и села напротив неё.

«А где же юная нимфа? – удивилась Юля. – Приснилась, наверно». Она тоже представилась и уткнулась в записи. Напрасно она собиралась с мыслями, постороннее присутствие мешало. Юля убрала свои материалы, уставилась в окно и подумала, что придётся высказать претензии проводнице, у которой она выкупила купе за очень приличную сумму. Но чай подавала сменщица, поэтому с претензией придётся подождать.

Полина держала себя совершенно естественно. Юля не любила назойливых соседей, которых вынужденно слушаешь всю дорогу. В поезде выкладывают попутчику всё, начиная с собственных радостей и горестей, до проблем страны и мира. Облегчают душу. Кто ещё так долготерпим, как не пассажир напротив? Будучи юной журналисткой, она

с удовольствием поддерживала беседы на любые темы, с жаром дискутировала, пытаясь своими знаниями и интеллектом переубедить кого-то в его неверных представлениях. Конечно, безуспешно. Тогда картина мира только начинала складываться в её голове, любая информация пополняла её. Сегодня приходится очищать эту картину от излишков накопленного мусора идей и представлений, чтобы увидеть истину, для этого полезно одиночество. А соседи по купе? Иногда казалось, что они только что вырвались из одиночных камер и никак не могли наговориться. Юля невольно поглядывала на соседку: не из таких ли и она? Её удивило совершенно не девичье лицо Полины, которое в то же время являлось таковым. Не портили его тёмные круги под огромными глазами, не совсем правильные черты лица не создавали дисгармонии. Спина прямая, подбородок вздёрнут. И всё-таки дисгармония была, крылась где-то в глубине. Юля чувствовала это своим журналистским чутьём. «Гордая птичка с ранкой в груди...»

По радио зазвучали романсы, мысли о Лёше, доме, дочке вернулись снова. Мелодия соответствовала её состоянию: нежно-расслабленному после хорошего сна и вынужденного безделья.

«Я ехала домой, я думала о вас...», – пела её душа вместе с любимой певицей.

«Я соскучилась по тебе, мой дорогой», – скажет она при встрече. Это не выразит и сотой доли глубины её чувств

к родному человеку.

– Простите, вы так блаженно улыбаетесь, что невольно позавидуешь. Так редки сегодня счастливые лица, – тихо произнесла соседка.

Началось, подумала Юля, не выйти ли ей в коридор? Вместо ответа она предложила:

– А не хлопнуть ли нам по рюмашке?

– Заметьте, не я это предложила, – лукаво подмигнула Полина.

Обе рассмеялись. Штамп, но климат в купе потеплел, как будто поезд перенёсся в субтропики. Они, не суетясь, накрыли стол, и Юля, уже не стесняясь, допела вместе с певицей свой любимый романс. Наш человек, подумала она с удовольствием о попутчице.

– Что сие значит? – спросила как-то её дочь. – Я часто слышу эти слова в ваших с папой разговорах.

– Это когда по двум-трём фразам узнаёшь в собеседнике свой взгляд на мир, свои мысли. С годами и ты научишься узнавать близких тебе по духу людей.

Обе женщины выставили на стол плоские бутылочки с коньяком и снова рассмеялись.

– За блаженство души! Что бы больше стало улыбок...

Они выпили.

– Всё очень просто, – объяснила Юлия, – скоро буду дома, обниму любимого мужчину, своего мужа, доченьку.

– Доченьку понятно, а вот любимый и муж это сейчас та-

кая редкость. Среди моих знакомых только несколько пар сохранилось, и то им не позавидуешь. Как говорят: одинокая женщина – это жена своего мужа.

Печальный опыт у бедняжки, подумала Юля.

– А как у вас? Позвольте и мне нескромность...

Всё-таки не могу иногда удержаться от «шпилек», чёртова баба, ругнула себя Юля. Её острого язычка боялись многие, только свои привыкли и не обижались.

– Я пока в поиске, – было заметно, что Полина смутилась. – Устала ошибаться.

Она замолчала. Юле впервые захотелось продолжения. Она искала причину невероятной грусти, нет, скорее даже вселенской печали, глубоко скрытой, но изредка волнами изливающейся из глубины чудных глаз случайной попутчицы.

Но соседка ещё раз доказала принадлежность к стае – не стала распространяться на банальную тему. Заказали чай и слушали музыку.

– Вы хотели поработать, а я, видимо, помешала.

– Хотела. Сейчас совсем не хочется, и не из-за вас. Просто материал такой, что лишний раз прикасаться к нему – портить себе настроение.

– Вы журналистка?

– Была, это моя последняя командировка. Решила уйти, сама.

– Но ведь это так интересно!

– Интересно, если твои усилия не пропадают даром. А ко-

гда мы поднимаем огромную волну проблем, а в результате ничего не меняется, получаешь стресс от бессилия что-либо изменить в лучшую сторону. Изматывают бесчисленные пиаровские компании, заказные статьи, компрометирующие документы одних бесчестных «правдолюбков» на других, таких же. Поиск сенсаций, горячих материалов раньше увлекал, теперь они лавиной обрушиваются на наши головы. Это уже не интересно, это дурно пахнет. Попробую писать вне штата то, что мне по душе.

– Вам есть на кого опереться, – сказала Полина. Она замолчала, а потом спросила, – И где водятся такие мужчины, если не секрет: муж, друг и любовник в одном лице?

Юлю не смутило такое любопытство. Скорее, даже не любопытство, а констатация редкости явления.

– Мы познакомились на новогоднем студенческом бале. Встретились глазами, пошли навстречу, взяли за руки и до сих пор не расстаёмся, – ответила Юля. – Столько лет вместе, а я до конца не верю в это чудо. Угасла страсть, осталась нежность.

– До сих пор?!

– Память о первых ярких чувствах до сих пор согревает нас.

– Просто сказка.

– Нет, правда и в том, что мы меньше смотрим друг на друга, но всё же в одну сторону...

– Неужели налево? Жизнь не сказка, – поддела Полина.

Юля задорно усмехнулась.

– Даже левые взгляды друг друга не пугают. Просто родными мы уже останемся навсегда: это научились ценить. А теперь колитесь, сколько минут в жизни были счастливы вы? Помните старый грузинский анекдот?

– На моём надгробии можно написать: «Умерла не родившись!» – с обаятельной улыбкой произнесла Полина sacramентальную фразу.

– Приехали! Никак не ожидала, – искренне удивилась Юлия.

Поезд остановился.

– Как видите, приехали... – обе расхохотались. Прогуливаясь по перрону, они даже не заметили, что стемнело. Юле показалось, что Полина рада остановке и окончанию разговора о себе.

Она так и не узнает секрета её обаяния, тайну омуты её тоски.

Объявили об отправлении. Свет в купе уже был приглушён, они улеглись спать. Полина так и не продолжила разговора. Они просто пожелали друг другу спокойной ночи.

Юле представилась изящная кувшинка, затопленная волнами печали. Нет, скорее, ажурный сосуд, переполненный туманом грусти. «Печаль моя светла...». Юля заснула.

– Чаю не желаете? – прогремело раскатами грома за дверью.

Юля вскочила и огляделась: в купе никого, постель на со-

седней полке в идеальном порядке. Как будто не было прекрасной Полины с фиалковыми глазами. Дверь в купе приоткрылась, и знакомое лицо прошептало:

– Я вам чаю принесу, а то вы до вечера проспите.

Ругаться с ней уже не имело смысла. Юля кивнула в знак согласия. Её часы показывали полдень. Вечером она будет дома.

Юля сходила умыться и села за столик. На нём стоял стакан ароматного чая. Рядом лежала толстая тетрадь, а сверху записка: «Очаровательной соседке. Оставляю вам свою историю. Может быть, пригодиться как тема для романа. Желаю счастья. Полина».

Петрович встретил Юлю на почти безлюдном перроне, в машине вручил белую розу. Явно сердился. Через пять часов наступит новый век...

Сейчас на неё с криками восторга набросятся мама с дочкой, подружки. Предвкушение праздника – самый прекрасный момент.

Дома стояла гробовая тишина, лишь ёлка сияла праздничными огоньками. Юля была потрясена.

– Я всегда мечтал встретить Новый год только вдвоём с тобой. В начале века нам стоит задуматься и поговорить, – объяснил муж, помогая ей раздеться.

– Ванна готова, а я пока накрою стол.

Юля решила скрыть недоумение. Она нежилась в души-

стой пене и постепенно понимала: ей тоже хочется тишины и покоя. Расслабленная, одетая в любимое мужем платье, она села за прекрасно сервированный стол: и это может её родной человек, нет, человечие.

– Спасибо за шикарный приём, дорогой, – она обняла и поцеловала своё сокровище.

– Он чуть не сорвался. Из твоего звонка я только понял, что ты жива и едешь домой. Два дня места себе не нахожу!

– Прости, сели батарейки, – Юля виновато опустила голову.

– Хорошо, дозвонился до Бориса: это он сказал, когда тебя встречать.

Юля удивилась самой себе: ни на секунду не усомнилась, что Петрович её встретит, а ведь она на самом деле не успела сообщить ему время прибытия поезда.

– Лёшенька, извини. Я, кажется, что-то поняла, поэтому решила уйти из редакции. Хватит с тебя переживаний из-за моих сражений с ветряными мельницами. Я люблю тебя, Светика, маму. Давай за это выпьем и оставим обиды в прошлом веке.

– Пора пощадить и себя саму, неужели прозрела? Я счастлив, дождались, наконец! И телевидение не манит?

– Там два варианта: редактор проекта, значит, прощай дом, второй ничем не отличается от моей нынешней работы, только круче – соковыжималка. Кажется, я старею. Мне страшно. Ты меня поддержи, пожалуйста.

Глаза мужа повлажнели. Они выпили бокалы до дна.

– Что случилось? В тебя на этот раз стреляли? – спросил он почти весело. – Иди ко мне и расскажи.

Юле не о чём не хотелось рассказывать. Она встала, включила тихую музыку, пересела на диван и прижалась к родному плечу.

– Прости меня ещё раз.

– Помотала ты мне нервы. Помнишь наше возвращение из Индии? Ты пригласила сразу всех. Просил тебя не собирать такую разношёрстную компанию, журналисты и закоренелые функционеры – взрывчатая смесь. Что получилось?!

– Весело получилось.

– Чересчур... – они рассмеялись.

– А помнишь, на приёме?

Юля помнила. Тогда вышел её скандальный репортаж, была даже фотография: растрёпанный, лезущий в драку с охраной корреспондент. Её трудно было узнать, но солидный дядя из партии «левых» подозрительно уставился на неё и спросил:

– Недавно в газете я читал статью, не вы ли там на фото?

– Неужели она похожа? – возмутился вовремя подошедший Лёша.

Как Юля не любила эти напыщенные приёмы, на которые она обязана была ходить с мужем! Сейчас не надо говорить об этом, и о командировках ни слова: все страхи и опасно-

сти пусть останутся позади. Её погибший кумир... Он тоже думал, что сегодня за слово не убивают...

Убивали и за меньшее. И впереди без просвета: вторая, третья волна передела собственности, как объяснил муж, и больше цинизма в грабеже страны и её народа. Если она осталась жить, значит, её роль в борьбе за справедливость совсем мала? Она вспомнила павшую на бегежх клячу из анекдота, которая перед смертью произнесла: «Ну, не шмогла!» Из её глаз вдруг брызнули слёзы. Петрович никак не ожидал такой смены настроения. Только что жена смеялась!

– Ты можешь быть такой разной, непредсказуемой, – он гладил её волосы. – Я за тебя беспокоился всегда больше, чем за Светку. Я тебя очень люблю: ироничную, капризную, упрямую, но всегда неподдельно, по-детски непосредственную и открытую.

Он прижал Юлю к себе ещё сильнее, словно боялся, что она вдруг ускользнёт, исчезнет.

– Где всё-таки все?

– Света с друзьями на даче, Нина Ивановна с Тихоном Ильичом. Все ждут нас завтра. Подружки обиделись, но поняли. Они тоже нагрянут семьями на шашлыки. – Лёша помолчал, налил бокалы: – Есть и плохие новости. Только не волнуйся: наша дочь влюбилась! Но всё под контролем.

– Выпьем за любовь? – предложила Юля, утирая слёзы. Спасительный юмор возвращался. – Давно пора нашей девочке влюбиться!

Совсем не проблемное дитя преподнесло сюрприз. Двадцать один год. Смешно.

Личная жизнь дочки всегда была прозрачна. С восьмого класса в неё влюблён очень умный мальчик из приличной семьи. Никаких сексуальных поползновений по отношению к ней он и представить себе, наверное, не мог. Ему просто позволялось быть рядом. Юлю бесила такая преданность, граничащая с безволием. Хотелось крикнуть: да брось ты её, стань мужиком!

Но Дима пошёл за ней и в университет. Они никогда не ссорились. Дочь просто привыкла к нему, но сердце её он явно не затронул. Юля ждала: когда же оно проснётся и кого выберет? Любовь зла, а козлы этим пользуются. Ох уж эти новые приколы!

И всё же, как хорошо дома! Муж зажёл свечи, положил рядом коробку любимых конфет, принёс ведёрко с шампанским.

– Как ты узнал? – Юля улеглась на его колени и приготовилась слушать родной голос, по которому так соскучилась. До её командировки Лёша уезжал в свою: они побыли вместе только два дня.

– Случайно. Пришёл пораньше и из прихожей услышал Димкин возмущённый голос, который меня порадовал: наконец-то его прорвало. Пусть выплеснет все несбывшиеся надежды и уйдёт, громко хлопнув дверью. Так и случилось, он даже меня не заметил. Я не стал вмешиваться и рас-

спрашивать Свету. Сама расскажет, подумал я, но ошибся. Мы поужинали, болтая о прошедшем дне, но она ни словом не обмолвилась о ссоре с Димой. Зато на другой день он сам позвонил мне и сказал, что есть важный разговор. Так мужики не поступают, подумал я, будет жаловаться, но снова ошибся. Дима разволновался не зря, потому что наша дочь потеряла голову, влюбилась в нового преподавателя с очень нехорошей репутацией по женской части. С прежнего места работы в Питере его ушли именно за эти грешки. Дима, представляешь, ездил туда специально за информацией. Практикующий психиатр, кандидат наук, первым открыл частный кабинет психоанализа, но одна из пациенток покончила с собой. Как оказалось, дочь высокого чиновника. Был скандал, суд вынес оправдательный вердикт, но запретил на год практику. После защиты докторской его пригласили в МГУ. За год он покориł сердца многих студенток, в том числе и нашей Спящей Красавицы. Готовься, мать, к бессонным ночам.

Лёша встал и нервно заходил по комнате.

– Дима потрясён. Он мечтал завоевать любовь преданностью. Умный мальчик даже не предполагал, что Света может потерять голову от блудливого кота. Он так выразился.

– Лёшенька, ты опять из мухи делаешь слона. Ты поговорил со Светой?

– О чём?! Что любить грех? И любви не помеха, что мужчина был два раза женат? Хоть сто!

– Правильно. Это ещё не означает, что её герой подлец. Так ты поговорил с ней?

– Спросил, конечно, о новом преподавателе, но она прекрасно владеет собой. Спокойно рассказала, что он идеал, но, к сожалению, не только для неё. Её, представляешь, просто увлекает покорение вершины, особенно в психологическом плане. Хорошая практика для будущего психолога. Сообщила, что только сейчас начинает жить по-настоящему.

– Нашла сомбреро по Хуану! – рассмеялась Юлия.

– В мире только две трагедии: не добиться заветного желания, и – добиться, как сказал классик. Впереди секс, а рядом с ним СПИД!

– О, времена? Успокойся. Я поговорю с ней, но сначала я должна увидеть лично, что это за фрукт. Согласен? А секс честь не перечёркивает, тебя ведь это волнует в первую очередь? И про СПИД... не накручивай. Остаётся защищённый секс, Свете давно пора соприкоснуться и с этой стороной жизни.

– Я тебя еле дождался. У меня не будет времени совсем. Лечу сразу после праздников в Париж. Хотелось бы уехать со спокойной душой. Ты взялась за ум, дочь его теряет! – Алексей вздохнул и посмотрел на часы. – Пора включать телевизор. Время новостей. Ты ещё не знаешь о главном сюрпризе! Должны показать повтор.

Засветился экран. Седая Голова государства российского каялась и отказывалась от «трона»! Юлия ахнула.

– Да, начнётся теперь круговёрть, – устало вздохнул Алексей.

Они подняли бокалы с шампанским.

– Пусть в любой круговёрти и хаосе счастье не покинет наш дом!

Бой курантов возвестил о смене эпохи. Новое тысячелетие, новый век, и старый, как мир, Новый год. Пусть только счастье останется прежним.

Телефон взорвался поздравлениями. Жаль, что он прервал их душевный разговор, который они закончили в спальне. Расслабленные и удовлетворённые, супруги заснули. Юля знала, что утром снова испытает блаженство, более легкое и упоительное.

Надо признаться, что к такой гармонии в сексе они пришли не сразу. Они поженились по любви, но много позже на подсознательном уровне Юля поняла: главной причиной её согласия на брак была неожиданная и трагическая смерть отца, пережитый ею шок. Рухнула стена, которая защищала и оберегала. Казалось, она будет стоять вечно. Алексей заменил ей отца, его любовь и надёжность спасли от непоправимой утраты. Ещё они с ним совпадали, как вода и чаша. Души вибрировали на одной волне и тела долго не могли насытиться чувственной страстью. Потом незаметно страсть потеряла свой накал. Ничего особенного не происходило, обычная суeta суeta, но к вечеру она выжимала обоих как лимон. Жалкие поползновения мужа исполнить свой супруже-

ский долг заставили Юлю задуматься всерьёз над возникшей проблемой. Неужели чем выше интеллект, тем ниже либидо, звериный инстинкт гасится пропорционально интеллигентности особи? Мужское желание – хрупкая вещь, поэтому, однажды услышанная фраза «мужчине нельзя отказывать, если оно появилось», не привела её в шок. Экология, образ жизни не способствуют его укреплению.

Пришлось раздобыть и изучить творение специалиста в этой области, знаменитой NN. Раскрылись широкие горизонты и понимание собственного невежества в этом вопросе. Десятилетиями им внушали второстепенность низменных начал, ставя духовную составляющую человека во главу угла. А ведь они на две трети животные и должны оставаться ими именно в сексе. Основной закон природы – плодиться и размножаться – не отменяли.

Наверно, её Петрович тоже был растерян и искал в себе потухший вулкан. И нашёл, нарушив основной закон их бытия: не будить жену рано утром. Это было свято. Сам он просыпался рано и, как правило, в это время на мужчин нисходит мадам Эрекция. Как нисходит, так без восторга и уходит. Лёше стало жаль её и себя: так бесславно пропадало желание. Однажды он нежно, чуть дыша, начал ласкать её ослабленное сном тело...

Эксперимент дал потрясающий результат. Тело Юли, разлучённое с разумом, отозвалось. Желание возрастало и, даже когда она почти проснулась, ей захотелось немедленно-

го завершения. А Лёша, как нарочно, медлил и медлил, пока не довёл её до самого края бездны желания. И они сорвались в неё и взорвались, и взлетели, казалось до самого края вселенной! Медленная музыка страсти вернула их друг другу и связала крепче вериг. Впервые Юля поняла, что семейная жизнь тоже требует красок творчества и фантазии. Они оба освоили искусство массажа, иногда удовлетворяясь только им. Прикосновение трепетных рук расслабляло, вводило в нирвану.

На прикроватной тумбочке стояли душистые масла, приправки и гели. Их чарующие и пленительные ароматы были просты и бесконечно сложны, как и сама любовь. Эта таинственная вселенная встречала нотами лучезарной фрезии, пьянящим соком сагуаро, волнующими аккордами белого перца, нежностью цветка Райской птицы, медовым соблазном китайской буддлеи, теплом тропического гибискуса и бархатной свежестью мадагаскарского жасмина. Под вуалью их ароматов любовь становилась ещё прекрасней.

Юлии Львовне не оригинально хотелось такого же семейного счастья для дочери. Но найдёт ли Светик свою половинку сразу? Или ей суждено пройти нелёгкую, типичную для многих дорогу проб и ошибок.

Праздник продолжился на природе. Не первый раз их теперь приличная дачка выдержала его натиск. Молодёжь разбегалась спать, явилось старшее поколение, но звучали только имена: Динка, Таня, Юлька... Это позволяло ощущать се-

бя по-прежнему молодыми и почти родными. Такое общение, как живая вода смывает года, придаёт силы, оживляет чувства, заряжает энергией.

Юля собирала чемодан мужа, когда ворвалась дочка с массой новостей и восторгов. Ей купили подержанную машину, и она большей частью жила у бабушки. Заброшенная деревенька с их дачей находилась чуть дальше кольцевой автодороги, новостройки угрожающе приближались. Дочке удобнее было добираться туда, чем в городскую квартиру.

– Чем будете заниматься без меня? – спросил Лёша. – Мама, надеюсь, снова станет настоящей мамой...

А Юля так и не удосужилась поговорить с дочкой за время каникул.

– Неужели решила оставить свои донкихотские пристрастия?! – Светка кинулась на шею матери. – Поздравляю вас, мои дорогие, конфликт интересов исчерпан.

– Вы, надеюсь, разрешите мне сдать материал? – спросила Юля. – Его ещё надо оформить!

– Разрешаем, – снисходительно закивали оба.

– А я засяду за учебники. Моя сессия будет важнее ваших натоптанных дорожек по плоскогорьям. У меня очередной этап восхождения к вершинам знаний.

– Все при деле. Улетаю спокойно... над всеми плоскогорьями и непокорёнными вершинами, но по старому воздушному коридору, – добродушно усмехнулся глава семейства.

Юле предстояла серьёзная работа в редакции и на телевидении. Но в первую очередь она решила пойти на приступ основной проблемы любящего свою доченьку отца. Ей самой это не казалось проблемой.

Давненько она не посещала свою альма-матер. Там у неё была знакомая, кладёзь информации. Уж Викуша должна знать, что за чудо-юдо появилось на кафедре психологии и вскружило головы студенток.

Юлия Львовна позвонила, Вика и глазом не моргнула:

– Ты жива ещё, моя старушка, – постным голосом констатировала она. – Слышала, читаю, не завидую, удивляюсь.

– Что жива?

– Вижу, самомнение высокое осталось. Нет, под лежащий камень мы всегда успеем. Удивляюсь, что не нуждаешься в информации, хоть Света уже на предпоследнем курсе. Другие мамы с первого курса держат руки на моём горле.

– Руки мамаш на твоём горле, а твои – в их карманах? – нетерпеливо прервала её Юля.

– Сама знаешь, какие нынче времена...

– И почём в эти времена информация? – прервала её Юля. – Например, такая вопросительная: «зачем вы, девушки, красивых любите?»

Не смешите меня, вторая древнейшая, вам ли не знать? Так о чём печаль твоя, старушка?

– Догадайся с трёх раз.

– Понятно, что о любви. Подожди-подожди, подумаю! Ес-

ли о любви, то и об Александре! Точно! О новой фишке среди новоявленных зомби женского пола.

– Угадала. С меня бренди, виски, или другим нынче берёшь?

– Теперь зелёную, свежей, – никак не реагируя на сарказм Юлии, ответила Вика.

– Стала с возрастом вегетарианкой? Похвально. Где встретимся?

Они договорились посидеть в суши-баре. Это было нынче модным. Виктория пришла на встречу во всём красно-чёрном. «Как всегда, экстравагантна, остроумна и любопытна» – подумала Юля. Все удивлялись, откуда она черпает никому не доступную информацию? За годы наблюдений пришли к выводу: не иначе как прямо из ноосферы. Из неё получился бы экстра журналист, но, к всеобщему удивлению она осталась секретарём ректора и процветала всегда. Взятки переживут любые катаклизмы.

Заказав почти весь ассортимент, имевшийся в меню, Вика принялась методично уничтожать дармовщинку.

– Ну, Юлия Львовна, спасибо, – промурлыкала она, насытившись. – Пивка бы ещё? Говорят, пиво не только вредно, но и полезно.

– Вика, не томи! – взмолилась Юля.

– Приступаем к вещанию. Александр Петрович, психиатр милостью божьей, родился, учился, женился, развёлся. Потом снова женился и развёлся. Не виновен, не сидел! Работал

в Питере. После защиты кандидатской диссертации предстал перед нашим ректором. Собеседование прошёл идеально и был принят на работу. С первых лекций понравился всем студенткам. Чертовски красив, отчего и страдает! Искренне. Умён, честолюбив, профи. – Вика промокнула салфеткой губы после глотка пива и продолжила, – Вряд ли когда-нибудь женится, если снова не женят насильно. Вторая жена просто душила в своих объятиях, ибо страдала патологической ревностью. Никакие «психоформулы» не могли спасти его от необоснованных подозрений. Устав ревновать, беспочвенно, она сменила красавца на уродливого араба. Купила выжатому как лимон, но счастливому от долгожданной свободы Александру практику психоанализа, естественно, на деньги новой жертвы. Квартиру забрала. Александр жил рядом с рабочим кабинетом, вскоре озолотился и отдал ей долг, мучивший его мужское достоинство. Но одна из нахлынувших пациенток влюбилась в него. Это бич психоаналитиков. Пациенты – люди с ослабленной волей, которые готовы лобызать до конца своих дней руку помощи. Труп дурочки, скандал. Сейчас осторожен как никогда. Я посоветовала ему недавно воспользоваться макияжем трупного оттенка или нарваться, напороться на пару шрамов на лице. Он горько так усмехнулся. Порядочный мужик, поэтому и страдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.